30. РАСКАЗЪ ПЛѢННИКА ЯКОВА ЗЫНОВЬЕВА.

Родомъ я Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда, изъ деревни Литвиновой; отъ роду мнѣ нынѣ 46 лѣтъ; жилъ я въ Астрахани, у купца Голикова, въ тюленщикахъ, и вышли мы за этимъ промысломъ изъ Астрахани въ море, на расшивѣ. Подошедши, въ день Успенія, къ острову Морскому, для залова, мы поужинали и легли спать въ трюмѣ (т. е. подъ палубой, на низу), и не слышали, какъ человѣкъ 60 разбойниковъ, изъ туркменъ и киргизовъ, подошли потихоньку на лодкахъ, вышли на палубу, накрыли надъ нами люки (т. е. западни, какъ въ падполье), и вдругъ всѣ въ голосъ заревѣли. Тогда только мы проснулись и спохватились своей оплошности — да поздно. Разбойники открыли съ краю одинъ люкъ, уставили туда на насъ самопалы свои и стали вызывать насъ по одному человѣку, чекушить по головѣ и плечамъ, и вязать. Перевязавъ всѣхъ насъ,

14 человѣкъ, нанизали на одну толстую веревку и плетенкой сбросили, какъ булыжникъ, въ трюмъ. Тамъ пролежали мы ворохомъ, одинъ на одномъ, всю ночь, и у насъ не было даже силъ расползтись. Утромъ, они снялись съ якоря, подошли къ берегу, въ заливъ Кочакъ, гдѣ по горамъ высыпало тьма народу, выкинули насъ въ лодку, вывезли на берегъ, и бросивъ здѣсь, сами весь день выгружали посудину нашу, выдирали гвозди и желѣзо, а послѣ ее сажгли. Къ вечеру, вся толпа собралась около насъ, и пошелъ дѣлежъ: всѣ мы достались порознь въ разныя руки. Меня сдали на руки бабамъ и стали кормить нашей же мукой; днемъ онѣ посылали меня по–воду, да за топливомъ, а на ночь опять связывали.

Пошедши разъ по–воду, я увидалъ на берегу порожнюю лодку; кинувшись въ нее, я привязалъ къ веслу бывшую тутъ рогожу и перекрестившись пустился въ море. Но меня увидали съ берега, кинулись въ другую лодку, нагнали, избили до полусмерти и привезли назадъ. Вскорѣ

повели меня въ Хиву, чтобъ тамъ продать въ неволю. Дорогою встрѣтилъ хозяинъ мой туркменъ, и они вымѣняли у него меня за пятокъ верблюдовъ и десятокъ–другой простыхъ халатовъ. Это были барышники; у нихъ было накуплено уже, кромѣ меня, человѣкъ десятокъ русскихъ плѣнниковъ; и потому всѣхъ насъ погнали въ Хиву, на базаръ, въ городокъ Таш–хаузъ. Только что мы явились туда, какъ пришли ханскіе досмотрщики и сборщики и взяли меня, на десятую ханскую часть, въ подать. Остальныхъ распродали на базарѣ.

Меня послали въ ханскую загородную дачу, въ земляную работу, равнять землю и копать гряды, чтобы вода при напускѣ ихъ ровно заливала. Тутъ было насъ, русскихъ и персіянъ, невольниковъ человѣкъ 40; каждому отпускалось на мѣсяцъ по пуду сорной пшеницы, зерномъ, и больше ничего: мели какъ хочешь, отдавая за помолъ фунтовъ пять, и пеки лепешки, безъ дровъ и даже безъ досугу, потому что весь день, съ утра до ночи, на работѣ. А дрова у нихъ страхъ дороги: либо туркмены возятъ

вьюкомъ на верблюдахъ, издалече, либо подчищаютъ саженыя по канавкамъ и садамъ деревья и варятъ и пекутъ изрѣдка, не каждый день, и кладутъ щетомъ щепку за щепочкой. Вотъ и заставлялъ ханскій прикащикъ насъ воровать дрова у сосѣдей, да печь лепешки свои по ночамъ. А когда бывало приходятъ сосѣди эти жаловаться самому хану, что невольники его ломаютъ у нихъ заборы и воруютъ дрова, то онъ имъ на это: поймай вора, такъ я его на той же плахѣ и повѣшу, чтобъ не попадался, а поколѣ не поймалъ, не смѣй и говорить.

Такъ жилъ я два года; одежи нѣтъ, весь ободрался; ѣсть нечего, отощалъ; а работы вволю. Вотъ разъ и вышла въ садъ старая ханша; я и говорю ей: вамъ сударыня, кажись, и глядѣть бы на насъ стыдно, ходимъ мы почитай нагишемъ; что ханъ не велитъ насъ одѣть? — а она мнѣ: отчего? что на васъ глядѣть, что на собаку, все равно — а и собака нагишемъ ходитъ.

Дѣлать нечего, подумалъ я, надо бѣжать. А для этого нужны деньги, надо обуться, одѣться, запасти на дорогу харчей.

Я пошелъ по ночамъ ходить на пашни: хожу по бороздкамъ, да пятый–десятый колосъ срѣзываю, будто жукъ съѣлъ, и кладу въ мѣшокъ; а набравъ полный мѣшокъ и перетерши въ рукахъ, потихоньку и продамъ. Такъ я сколотилъ по нашему денегъ рублевъ пять, купилъ кожанный мѣшокъ, въ которомъ воду носятъ, купилъ толченки (толченыхъ сухарей), халатъ, огниво, поршни, въ которыхъ бѣжать и плыть, гдѣ случится, полегче чѣмъ въ сапогахъ, и далъ приставу гривенникъ, чтобъ отпустилъ меня съ утра Богу помолиться, сказавши что по нашему нынѣ праздникъ; день–то я отдохнулъ, а какъ смерклось, пошелъ, благословясь.

Пойти я пошелъ — но куда? въ Россію далеко, подальше тысячи верстъ и ближнимъ–то путемъ — а степи голыя, безкормныя и безводныя; рѣшился я итти въ Бохару, это слишкомъ на половину ближе, авось найду тамъ что нибудь полегче, да коли Богъ дастъ, проберусь съ караваномъ въ Россію. Итти мнѣ было до рѣки Аму верстъ 45, а ужъ тамъ все вверхъ

по рѣкѣ, до самой бохарской границы. Однако, какъ ни торопился, до свѣту въ камыши не поспѣлъ; днемъ итти нельзя, народъ увидитъ, я и легъ въ полѣ, въ копну соломы. Вдругъ пріѣхалъ хозяинъ за соломой, но видно Господь еще захотѣлъ меня поберечь: тутъ всего было три пука соломы — я лежалъ въ одной, а хозяинъ сталъ навьючивать на арбу (телегу) другую, между тѣмъ какъ ребятишки его по мнѣ лазили и кувыркались. Навалилъ онъ возъ, уѣхалъ; я пролежалъ до ночи, и пошелъ опять дальше. Не доходя до рѣки, пріостановился, снялъ съ себя всю одежду, оставивъ одни портки, уложилъ въ свой мѣшокъ; тутъ у нихъ, для поливки пашень, все перекрещено широкими канавами, въ сажень 10, 15 и шире; я попалъ на мостикъ — анъ кто–то меня окликнулъ; испугавшись, я отбѣжалъ потихоньку, спустился и переплылъ канаву, а тамъ и другую, и третью, обходя дороги и мосты, и вышелъ на рѣку.

Рѣка будетъ въ этомъ мѣстѣ шириною до двухъ верстъ, какъ Волга подъ

Нижнимъ; раздѣвшись вовсе, я надулъ кожаный мѣхъ съ платьемъ, завязалъ его потуже и съ Богомъ пустился. Плыву я долго, побольше часу, и сноситъ меня крѣпко теченьемъ; мѣшокъ ослизъ, изъ подъ мышки выбиваетъ; такъ я съ нимъ–то бьюсь и уморился, да и не доглядѣлъ, что меня прямо подбиваетъ подъ паромъ, подъ большую лодку, которая идетъ съ того берега. Я притаился, дѣваться было некуда — а паромщикъ, глянувъ, говоритъ: а вотъ на наше счастье каршъ плыветъ — да ухвативъ на–скоро крюкъ, чуть не забагрилъ меня въ голову.... однако ихъ въ потьмахъ пронесло, и я остался цѣлъ.

Перекрестившись, поплылъ я далѣ, но уже сталъ выбиваться изъ силъ и обрадовался, увидавъ въ сторонѣ островъ. Спустился я къ нему, да и самъ не радъ сталъ: земли нѣтъ, а одинъ только камышъ, сажени въ двѣ длины, да топь такая, что на–силу опять выбился на просторъ. Прозябъ я, измаился, и съ мѣшкомъ не совладаю, и еще въ заводѣ завертѣло было

меня теченьемъ; такъ я выбрался наконецъ на берегъ и самъ не помню какъ.

Отдохнувъ немного, пошелъ я вверхъ по рѣкѣ, а какъ стало свѣтать, залегъ опять въ камышъ. Такъ шелъ я двои сутки, и вижу, что у меня харчу не станетъ, коли по ночамъ только итти, а день лежать, и подумавъ, рѣшился итти, на власть Господню, день и ночь, да притомъ и не по рѣкѣ, которая идетъ дугой, а прямо на перевалъ степи. Мѣсто тутъ глухое, голодное, такъ я и понадѣялся, что не увижу кочевья и никого не встрѣчу. Не успѣлъ я оглянуться, какъ вдругъ идутъ мнѣ на встрѣчу пять верблюдовъ, съ тремя хивинцами, и увидали меня. Дѣваться некуда, все голо кругомъ; они допросили меня, узнали, что русскій, связали и повели съ арканомъ на шеѣ опять назадъ, въ Хиву. Руки такъ перетянули, что я кричалъ, кричалъ — да и бросилъ, а станешь отставать, верблюдъ тянетъ арканомъ за шею. Весь день я не ѣлъ и не пилъ, отощалъ такъ, что думалъ свалиться съ ногъ, и удавиться на арканѣ; смерклось — я

помолился, какъ будто легче стало; я сталъ теребить по маленьку ветошки, которыми подмотали мнѣ руки, гдѣ связали, вытеребилъ, бросилъ, веревка и ослабла. Высвободивъ руки, я держу ихъ все за спиной, будто они связаны, потому что хивинецъ ѣдетъ рядомъ верхомъ и поглядываетъ на меня. Я одной рукой снялъ арканъ съ шеи и взялъ его въ зубы — а ужъ было темно; хивинецъ не замѣтилъ, что веревка у меня снята съ шеи, и видя, что я держу ее въ зубахъ, закричалъ: на что въ зубы берешь? — Я отвѣчалъ, что верблюдъ не ровно идетъ, дергаетъ, и задушитъ меня, тотъ и промолчалъ. Какъ только дорога подошла къ рѣкѣ, я вдругъ со всѣхъ ногъ бросился въ воду и нырнулъ. Вынырнувъ, вижу, что они стоятъ на берегу, глядятъ на меня и ругаютъ; вишь, собака, ровно утка на водѣ!

Я выбрался благополучно на тотъ берегъ — да ужъ ни съ чѣмъ: и мѣшокъ мой, и послѣднiй остатокъ толчени, все осталось у поимщиковъ, а я весь день не ѣлъ! Пошелъ однако тѣмъ берегомъ вверхъ

по рѣкѣ. Иду день и другой, ветошь камышевая ноги всѣ изрѣзала, а отойти подальше отъ берегу боюсь: одно спасенье, коли кто увидитъ, въ воду, да переплыть. Брюхо подтянуло подъ самую спину, только и нашелъ, что требуху дохлаго верблюда, сухую, что и въ водѣ не размочишь, не разжуешь. Но наконецъ помутились у меня глаза, и самъ себя не сталъ помнить; шаговъ пять протащусь — и упаду. Вдругъ, отколь ни возмись, плыветъ по рѣкѣ лодка съ туркменами, которые острогой рыбу бьютъ. Сталъ я ихъ манить къ себѣ, и черезъ силу вымолвилъ, что ѣсть хочу, умираю съ голоду. Они дали мнѣ печеной рыбы; поѣлъ я, напился, уснулъ мертвымъ сномъ — и проснулся ужъ въ лодкѣ, закованный въ желѣза. Этого имъ однако показалось мало; они посадили меня по шею въ мѣшокъ и привязали къ лодкѣ. За тѣмъ повезли меня внизъ по рѣкѣ, въ Хиву, и отдали хану.

Ханъ приказалъ было мнѣ тотчасъ носъ и уши обрѣзать, но Богъ не попустилъ этого: землякъ нашъ Василій Лаврентьевъ,

любимый плѣнникъ ханскій, бывшій у него пушкаремъ, сталъ за меня просить, я сказалъ, что ушелъ отъ голоду и тяжелой работы. Ханъ простилъ.

Опять послали меня работать въ сады ханскіе, и опять житье мое пошло тоже: не кормятъ, не поятъ, а землю таскай. Прошелъ цѣлый годъ. Ханъ пріѣхалъ въ сады свои, сидѣлъ цѣлый день и смотрѣлъ, какъ мы работаемъ. Я ходилъ съ заступомъ близко около него, онъ похвалилъ работу мою; я и сказалъ ему: голодному да нагому трудно работать; у насъ и скотину для работы держатъ, такъ кормятъ и холятъ; мы всѣ оборвались, что нѣтъ на насъ нитки цѣлой, да изняла насъ нужда. А коли велю дать денегъ, такъ неуйдешь?

— Ну, сказалъ я, ужъ уйду–ли, нѣтъ–ли, съ деньгами — и безъ денегъ, власть ваша, уйду, хоть напередъ прикажите казнить; нѣтъ больше силъ терпѣть. Ханъ разсмѣялся, погрозилъ мнѣ и приказалъ намъ раздать по полтора цѣлковыхъ.

Взявши деньги эти, я еще съ двумя плѣнниками условился бѣжать; заготовили

мы себѣ по кожанной кисѣ, по парѣ поршней, толченки — и ушли.

И на этотъ разъ не дошли мы въ одну ночь до рѣки, а залегли на день въ кочегурахъ, въ песчаныхъ буграхъ. Тутъ увидали насъ бабы, собиравшія навозъ, и побѣжали въ городъ, чтобы дать знать. Я и говорю товарищамъ: Ну, братцы, вмѣстѣ намъ не укрыться; разойдемся врознь, кто куда гораздъ, хоронися всякъ какъ кому Богъ поможетъ — а на ночь, кто изъ васъ живъ будетъ, сходитесь вонъ, подъ тутовое дерево, да зовите другъ друга на свистокъ.

Разошлись; я залегъ въ хлѣбъ, и отлежался, хоть и близко около меня ходили да искали, однако не нашли; а товарищей я только и видѣлъ. Ночь пришла, я пошелъ подъ дерево и стоялъ долго, посвистывая, нѣтъ никого.

Воротился я на то мѣсто, гдѣ мы сперва лежали и зарыли кисы свои — анъ ужъ онѣ вырыты всѣ три, и слѣды около нихъ одни только наши, въ поршняхъ, а хивинскихъ сапоговъ нѣтъ. Я подивился и больно испугался, потому что безъ хлѣба уйти мнѣ

было нельзя. Много послѣ узналъ я, какъ дѣло было: товарищи мои, парни молодые, также какъ и я отлежались, потомъ ночью забрали кисы наши и не угодивъ подъ дерево, вышли на рѣку, но оробѣвъ, что рѣка больно широка, плыть не посмѣли и сами воротились въ Хиву. Ханъ простилъ ихъ, по молодости, полагая что я ихъ сманилъ, а меня, коли поймаютъ, приказалъ не водивши къ нему посадить на–колъ.

Безъ хлѣба мнѣ было некуда дѣваться — я и пошелъ, что будетъ то будетъ, прямо въ ближній городокъ, въ Ургенчъ, на базаръ. Прихожу, среди бѣлаго дня, народу множество, а я, будто добрый человѣкъ, тутъ–же, съ другими. Вдругъ увидалъ меня знакомый хивинецъ, Махметъ, отозвалъ въ сторону, да и говоритъ: Что ты тутъ дѣлаешь? нешто у тебя двѣ головы на плечахъ? Ужъ здѣсь по базару кричали — по ихнему обычаю — что у хана бѣжалъ такой–то невольникъ, и погоня пошла за тобою во всѣ четыре стороны. Я, не оглядываясь по сторонамъ купилъ кису,

купилъ въ нее пшена, залегъ на день на кладбищѣ, а ночью добрался до рѣки. Но какъ мѣсто это было не знакомое, такъ не осмотрѣвшись плыть было опасно: заплывешь такъ что и не выплывешь; я выждалъ дня, осмотрѣлся и опознался — и опять залегъ въ камышъ, дожидаться ночи.

И тутъ опять, самъ не знаю, какъ я ни попался: человѣкъ съ десятокъ весь день ходили около меня, собирая хворостъ — но невидали. Ночь настала и я поплылъ: рѣка тутъ еще шире и меня снесло едва–ли не на 10 верстъ. Насилу выбрался я на берегъ — глядь, анъ вышелъ прямо супротивъ трехъ кочевыхъ шалашей каракалпаковъ. Однако, дѣваться было некуда; я нагой какъ былъ взвалилъ кису свою на плеча, смѣло прошелъ мимо ихъ. Каракалпаки чай думали самъ водяной ночью изъ воды вышелъ: перепугавшись на–смерть, они пали ничкомъ, какъ сидѣли, закрывъ лицо руками, и стали читать молитвы. Я прошелъ и въ потьмахъ скрылся.

Прошелъ я опять по томуже пути, что въ первый разъ, все вверхъ по рѣкѣ, сутки;

подумалъ — и опять рѣшился идти прямикомъ, степью, гдѣ первый бохарскій городъ будетъ Каракуль. Этимъ путемъ ходятъ и малые караваны промежъ Хивы и Бохары, запасаясь на трое сутокъ водой, которой до самой рѣки нѣтъ. Не успѣлъ я отойти отъ рѣки на прямой путь съ версту, какъ увидѣлъ какихъ–то конныхъ людей, надо–быть пастуховъ. Они пустились тотчасъ за мною, но я успѣлъ уйти въ воду и переплылъ. На другой день я опять тамъ встрѣтилъ какихъ–то верблюдчиковъ и ушелъ отъ нихъ на эту сторону: только глядятъ вслѣдъ, да руками машутъ, а взять нечего. Такъ я восемь разъ переплывалъ рѣку Аму, уходя отъ народу, и добрался наконецъ до голодной степи. Поршни потерялъ я въ водѣ, и какъ пришлось итти степью по колючкамъ босикомъ, такъ и не чаялъ дойти. Колючка колючкой — а опричь того сыпучій, каленый песокъ, что ступить нельзя: покуда идешь буграми, той стороной гдѣ стояла тѣнь, такъ терпѣть можно, а какъ придется по солнцу пройти,

такъ хоть плачь; пробѣжишь бѣгомъ, да падши на спину скорѣе ноги кверху!

На другія сутки добился я до кочевья, подвластнаго бохара: это были шатры арабовъ, захожаго племени, отъ котораго идетъ къ намъ черная бохарская мерлушка. Увидавъ ихъ, я прямо пошелъ къ нимъ, поздоровался и просилъ напиться, потому что почти двои сутки не пилъ. Они не стали было давать: у самихъ мало воды, а по воду далече, двои сутки ходу. Я снялъ съ себя новый халатъ и отдалъ имъ промѣнявъ на старый, худой; тогда дали воды и молока. Затѣмъ стали они допрашивать меня, кто я и откуда? — Я сказался татариномъ — но они заставили меня молитву читать, которой я твердо не зналъ, и долженъ былъ признаться, что я русскій и бѣжалъ отъ хивинскаго хана, а хочу служить бохарскому. Сколько не просилъ я ихъ, вести меня въ Бохару, они однако-же за разными отговорками все откладывали и продержавъ 12 дней чуть было не провели меня: они выждали обратныхъ изъ бохары хивинцевъ, и разсчитавъ, что имъ выгоднѣе

продать меня имъ назадъ, стали было съ ними итти на сдѣлку. Смѣтивъ это, я ужъ совсѣмъ было собрался къ ночи бѣжать, какъ вдругъ прибылъ гонецъ отъ Каракульскаго воеводы и потребовалъ всѣхъ насъ туда.

Какъ ни жались арабы мои, однакоже ослушаться не смѣли, взяли и меня и обоихъ хивинцевъ и повезли на верблюдахъ въ городъ.

Воевода спросилъ меня кто я? Я во всемъ признался и просилъ службы у бохарскаго хана. Воевода осмотрѣлъ у меня руки, и увидавъ по мозолямъ, что я точно человѣкъ чернорабочій, повѣрилъ.

— Давно ли онъ у васъ? спросилъ онъ Арабовъ.

— Два дня.

— Долго ли ты жилъ у нихъ, сколько дней они тебя держали? спросилъ онъ у меня.

— Я ихъ хлѣбъ ѣлъ, отвѣчалъ я, мнѣ сударь, противъ нихъ показывать не приходится.

— А коли такъ, сказалъ воевода, то я вамъ и самъ скажу сколько: не два, а 12 дней. Дать имъ по сотнѣ плетей! А вы чего увязались — спросилъ онъ хивинцевъ — вамъ чего надо?

— У насъ, сударь, бѣжалъ невольникъ на пути, отвѣчали они — и увелъ лошадь; прикажи намъ отдать этого, мы тебѣ чѣмъ сможемъ, поклонимся.

— Дать и имъ столько–же — закричалъ воевода, а русскаго отправить въ Бохару къ хану.

Тутъ житье было мнѣ привольное; бохарскій ханъ принялъ въ милость меня, за то что я самъ къ нему пришелъ — да и дѣла намъ было тутъ ни сколько: человѣкъ 30 насъ, русскихъ, считались у него дворцовыми гренадерами, стояли у воротъ на часахъ. Кормили насъ хорошо, ходили по волѣ, одѣты были порядочно — только скучно и крѣпко тоскливо по родной своей сторонѣ. Ханъ любилъ насъ и тѣшился тѣмъ, что мы по ночамъ во весь голосъ окликаемъ прохожихъ, и они пугаются.

Объ эту пору воротился изъ Россіи бохарскій посолъ, и сказалъ хану, что Государь нашъ принялъ его хорошо и честно, да только приказалъ непремѣнно выслать всѣхъ русскихъ домой. Ханъ приказалъ созвать насъ, всего человѣкъ 30, и отправилъ съ первымъ караваномъ въ Россію.

Такъ Господь помиловалъ меня, попустивъ перетерпѣть неслыханныя страсти — и привелъ благополучно опять на родину. Благословенъ Господь отъ нынѣ до вѣка.